

Владимир Лучанинов

ЛЮДИ ГРУЗИНСКОЙ ЦЕРКВИ

Истории. Судьбы. Традиции

Владимир Ярославович Лучанинов Люди Грузинской Церкви. Истории. Судьбы. Традиции Серия «Планета Православия»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11311009

*Люди Грузинской Церкви: Истории. Судьбы. Традиции. / Лучанинов В.
Я.: Никея; Москва; 2015
ISBN 978-5-91761-403-8*

Аннотация

Грузия – это слово струится солнечным светом, наполняя сердце теплом и радостью. Семнадцать веков христианской традиции и православной культуры, семнадцать столетий героической истории. Страна мучеников и преподобных, страна гостеприимных и жизнерадостных людей. Свою веру они обретали среди пустот советского атеизма, под пулями и снарядами войн и междоусобиц. Эта книга о современной Церкви в историях людей Грузии.

Содержание

От автора	6
Грузинская Православная Церковь: краткая справка	10
Митрополит «грузинской Сибири»	17
Есть ли жизнь после смерти?	20
...Ожидая, когда откроется смысл	28
«Согрешил по всем заповедям»	33
Не до кино	40
«По стопам святой Нины» – Евангелие оживает	49
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Владимир Лучанинов

*Допущено к распространению Издательским
советом Русской Православной Церкви ИС
Р14-418-1608*

*В книге использованы фотографии Юлии Маковейчук,
Евгения Глобенко, Владимира Лучанинова, Aerialphoto, а
также фотографии из личных архивов героев и из фотобан-
ка Shutterstock*

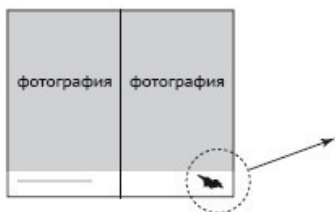

Схема канонической территории
Грузинской Православной Церкви
на переднем форзаце

Схема Тбилиси и Мцхета
на заднем форзаце

От автора

Так сложилось, что до той удивительной поездки, послужившей основой для книги, в Грузии я не бывал. И на каких же основаниях, законно спросите вы, человек, не будучи профессиональным журналистом, побывавший в стране всего-то однажды, станет о ней рассказывать? Я постараюсь это обосновать, но чуть позже. А сейчас попробую ответить самому себе на вопрос более путаный: до Грузии я вообще не бывал ни в какой стране мира, кроме своей собственной, и почему-то все эти сотни невиданных стран и тысячи городов никогда особенно не пленяли моего воображения. Успеется еще, думал я, если Богу будет угодно. Но с Грузией изначально все складывалось иначе: каким-то странным образом с раннего детства дух Сакартвело¹ влек меня к себе.

И позже, когда Бог помог мне найти самого себя, я понял, что теперь сроднился и с Иверией в лоне единой Соборной и Апостольской Церкви. Впрочем, чувства эти не побуждали к каким-либо действиям. Я просто жил, лишь изредка думая об уделе Пресвятой Богородицы, почитал святую Нину, ибо так зовут мою маму, так же звали моих бабушку, прабабушку и в придачу еще двух бабушек моей жены. Но было и предчувствие, что все эти разрозненные грузинские

---

¹ Сакартвело – национальное название Грузии, букв. – «место, где живут грузины (картвелы)».

штрихи существуют в палитре моих ощущений для написания какой-то картины. Поэтому, когда вместе с коллегами в издательстве мы обсуждали идею книжной серии, посвященной современной жизни верующих разных Поместных Православных Церквей, я неожиданно для себя попросил: «Отпустите меня в Грузию, пожалуйста!»

Ну, меня и отпустили...

А теперь, наверное, пришло время ответить на вопрос, от которого я уклонился в самом начале: на каком, собственно, основании? Дело в том, что в этой книге собраны истории жизни наших современников: грузинских митрополитов, священников, монахов и мирян. И мне посчастливилось не только взять интервью, но и подружиться с большинством этих людей. Когда я просил моих героев рассказать о жизни, традициях и их личных путях к Богу, я не просто выполнял редакционное задание, но и собирал в самом себе те самые штрихи в единую картину, желая понять этих людей, стать к ним ближе. И еще осмелюсь предположить: будь на моем месте маститый специалист – искушенный богослов или историк, – возможно, ему не удалось бы внести в книгу ощущение непосредственности первых открытий...

Но это я пишу сейчас, а тогда, неожиданно получив законное право на поездку, я, в общем-то, совсем не представлял, что делать дальше. Но все устроил Господь. К этому времени мы познакомились с Кириллом Черноризовым: сначала он был другом нашего родственника, потом стал нашим дру-

гом, а позже и нашим родственником – недавно я стал крестным его сына Ефрема. Кирилл женат на прекрасной молодой женщине, зовут ее Ана Пачуашвили. Их любовь – это отдельная остросюжетная история, к счастью, вошедшая в эту книгу. Благодаря Кириллу и Ане в Грузии я познакомился с большинством тех самых прекрасных людей, рассказывать о которых в предисловии было бы едва ли уместно, ибо сами они расскажут о себе на страницах этой книги.

А уместно, видимо, сказать несколько слов о той самой «картине», которая сложилась в моем сердце. Если совсем кратко, можно описать ее тремя словами: Грузия – евангельская страна. Не подумайте, я вовсе не наивный романтик и отдаю себе отчет, что абсолютно в любой стране среди христиан достаточно проявлений далеко не евангельского духа. Но я свидетельствую о той Грузии, которую имел счастье увидеть через людей и в людях, через их любовь к Христу, к Предстоятелю своей Церкви и друг к другу.

Думаю, что в этой книге наша идея рассказа о Поместных Церквях через человеческие судьбы всецело доказала свою состоятельность. А в случае с Грузией есть еще важное обстоятельство: необходимо осознать, что начиная с XVIII века и вплоть до сегодняшнего дня истории наших стран и Церквей сплетены очень и очень тесно. Часто то, что происходит в России, так или иначе отражается в Грузии, и нередко эти отражения становятся для Иверии крайне болезненными. И за судьбами этих христиан – добрых, сильных, прошедших

войны, умеющих любить несмотря ни на что, – стоит нечто важное – то, что на пути к взаимной любви и единству необходимо осмыслить нам вместе. Это история глазами людей, имеющих к ней прямое, а не косвенное отношение, история, пропущенная через их собственную боль и веру.

Грузинская Православная Церковь: краткая справка

Грузинская Апостольская Автокефальная Православная Церковь является неотъемлемой частью Вселенской Православной Церкви и находится в догматическом единстве, каноническом и литургическом общении со всеми Поместными Православными Церквями.

Начало христианской жизни в Грузии было положено еще в апостольские времена. Весть о Христе несли сюда прямые Его свидетели, среди которых были апостолы Андрей Первозванный, Симон Кананит и Варфоломей. В Предании Грузинской Церкви святой Андрей Первозванный чтится первым епископом Грузии, хранится память и о том, что отправила апостола на проповедь в Иверию сама Пресвятая Богородица.

Уже в IV веке восточно-грузинское царство Картли официально принимает христианство. Крещение Грузии в 326 году, в правление царя Мириана, связано с проповедью святой равноапостольной Нины, пришедшей в Грузию из Каппадокии. О деятельности Нины упоминается не только в агиографических произведениях, но и во многих греческих, латинских, грузинских, армянских и коптских исторических источниках.

Начиная с V века независимая Грузия, находящаяся в эпицентре противостояния Византии и Персии, постоянно подвергается опустошительным нападениям персов, за отказ отречься от Христа принимают мученическую кончину цари, священнослужители и миряне.

В то же время с ранних веков Церковь Грузии принимала участие и в утверждении вероучения: грузинские епископы присутствовали уже на Третьем и Четвертом Вселенских Соборах. Все последующие века грузинские богословы, находящиеся на границе разных культур и религий, вынуждены были вести активную полемику, отстаивая православное учение Церкви.

В правление царя Вахтанга Горгосали (446–506) Грузинская Церковь, ранее являвшаяся частью Антиохийской Церкви, получает автокефалию (независимость), во главе иерархии ставится архиепископ с титулом Католикос. Из Каппадокии в Грузию приходит святой подвижник преподобный Иоанн, прозванный в дальнейшем Зедазнийским, со своими двенадцатью последователями; его ученики не только утверждают в Грузии монашескую традицию, но и приносят миссию христианской проповеди в города и села, строят храмы и монастыри, учреждают новые епархии.

Этот период расцвета сменяется новым периодом мученичества: в VIII веке в Грузию вторгаются арабы. Но духовный подъем народа невозможно было сломать, он проявлялся в национально-созидательном движении, вдохновляемом

не только царями и патриархами, но и подвижниками-монахами. Одним из таких отцов был прп. Григорий Хандзтийский.

В X–XI веках начинается период церковного строительства и развития гимнографии и искусства, на Афоне основывается Иверский монастырь, благодаря старцам и насельникам этой обители греческая богословская литература переводится на грузинский язык.

В 1121 году святой царь Давид Строитель, уделявший большое внимание церковному устройству и получивший поддержку от Церкви, с войском одержал победу над турками-сельджуками в Дидгорской битве. Этой победой завершается объединение страны и полагается начало «золотому веку» грузинской истории.

В это время активная деятельность Грузинской Церкви разворачивается за пределами государства, на Святой Земле, в Малой Азии и Александрии.

В XIII и XIV веках для христиан Грузии начинается новый период испытаний, теперь под натиском монгол. Хан Джелал ад-Дин, завоевав Тбилиси, буквально залил его кровью, были осквернены и разрушены монастыри и храмы, мученическую кончину приняли тысячи христиан. После набегов Тамерлана исчезали уже целые города и епархии; по свидетельствам историков, убитых грузин было значительно больше, чем оставшихся в живых. При всем этом Церковь не была парализована – в XV веке на Ферраро-Флорентийском Со-

боре присутствовали митрополиты Григорий и Иоанн, они не только отказались подписать унию с католичеством, но и открыто выступили с обличением его отклонения от соборного учения Церкви.

В 80-е годы XV века объединенная Грузия распалась на три царства – Картли, Кахети и Имерети. В состоянии раздробленности под постоянными ударами Персии, Османской Империи и набегами дагестанских племен Церковь продолжала нести свое служение, хотя делать это становилось все сложнее.

Завоеванная в XVI веке Османской империей юго-западная часть Грузии насильно исламизировалась, исповедание христианства жестоко преследовалось, все епархии упразднялись, а храмы перестраивались в мечети.

Опустошительным для Грузии стало и XVII столетие, «век царских мучеников и множества убиенных». Карательные походы персидского шаха Аббаса I были направлены на полное уничтожение Картли и Кахети. В это время было убито две трети грузинского населения.

Количество епархий сократилось еще сильнее. Но Грузия продолжала находить в себе силы для сопротивления, а Церковь в лице Католикоса и лучших епископов призывала царей и народ к единству. В 1625 году полководец Георгий Саакадзе разбил тридцатитысячную армию персов. Именно в этот период понятие «грузин» становится равным понятию «православный», а перешедших в ислам грузинами больше

не называли, их звали «татары».

В эти сложные годы как государственные деятели, так и иерархи Церкви искали поддержки у достигшей могущества православной Российской Империи. Активные переговоры в Петербурге вел Католикос-Патриарх Антоний I (Багратиони).

В 1783 году на Северном Кавказе был подписан Георгиевский трактат, по которому Грузия в обмен на поддержку России частично отказывалась от внутренней независимости и полностью от самостоятельной внешней политики.

Бесконечные удары Персии и Турции хоть и не подавили, но во многом парализовали интеллектуальную и социальную жизнь Церкви – не было больше возможности поддерживать принадлежащие Грузии духовные центры как в самой Грузии, так и на Афоне и Святой Земле. Не функционировали учебные заведения, большое число духовенства было физически уничтожено. Но в то же время духовная жизнь не оскудевала – в монастырях Грузии подвизалось множество преподобных отцов – исихастов.

В 1811 году, в рамках активной политики по введению Грузии в состав Российской Империи, где Церковь уже столет находилась в подвластном государству положении, а патриаршество было упразднено, потеряла свою свободу и автокефалию и Грузинская Церковь. На ее территории был учрежден Экзархат, статус Католикоса умалился до экзарха (архиепископа Картлийского и Кахетинского), со временем эк-

зархи стали поставляться из числа русского епископата.

Это был неоднозначный период для Грузинской Церкви. С одной стороны, прекратились карательные походы воинственных соседей-мусульман, были восстановлены учебные заведения, духовенство стало получать жалованье, была организована миссия в Осетии, но в то же время Грузинская Церковь оказалась полностью подчиненной Российскому Синоду и политике Империи, четко направленной на все-российскую унификацию. В это время из грузинского обихода начинают исчезать богатые древние традиции гимнографии, иконописи, церковного искусства, сходит на нет почитание многих грузинских святых.

После февральских событий 1917 года, в марте, в Светицховели состоялся Собор, на котором была провозглашена автокефалия Грузинской Православной Церкви; чуть позднее, в сентябре, Патриархом был избран Кирион III. А уже в 1921 году в Грузию вошла Красная Армия и была установлена советская власть. Для Церкви, представителей духовенства и верующих людей на всей территории Советского Союза начались испытания и репрессии. Храмы повсеместно закрывались, исповедание веры преследовалось советским государством.

В сложное для русских и грузин время, среди репрессий, разрухи и бедствий, в 1943 году Поместные Русская и Грузинская Церкви восстанавливают евхаристическое общение и доверительные отношения.

В 1977 году патриарший престол в Грузии занял Католикос Илия II. Его активное служение, привлекшее в ряды священнослужителей и монашествующих молодую грузинскую интеллигенцию, пришлось на годы падения Советского Союза, обретения независимости Грузией, на череду братоубийственных войн и вооруженных конфликтов.

В настоящее время в Грузии насчитывается 35 епархий с правящими архиереями, по всему миру в грузинских приходах возносится молитва Богу. Патриарх, как и лучшие его предшественники в истории, все испытания прошел вместе со своим народом, чем заслужил неслыханный авторитет в Грузии.

Митрополит «грузинской Сибири»

Николай (Пачуашвили), митрополит Ахалкалакский и Кумурдойский, управляющий грузинскими приходами в Южной Америке

Живописная и долгая дорога из Тбилиси в Ахалкалаки. Заметно свежеет. С наступлением вечера горные ущелья, зеленые луга, белые стада и все идиллические пейзажи сжимаются до скудного, выхваченного фарами из непроницаемого мрака кусочка асфальта. Дома и заборы, резко вылетающие из темноты, кажутся недружелюбными. До города еще двадцать километров, небо стреляет мокрым снегом в лобовое стекло. Джавахети... Эту местность называют «грузинской Сибирью». Действительно, после солнечного, светлого и шумного даже ночью Тбилиси-слишком уж контрастно. Ахалкалаки ночью спит, повсюду темно. Но большие окна дома митрополита Николая оказывают чарующее воздействие: яркий свет, загадочные предметы на подоконнике, веет спокойствием, уютом и теплом – хочется скорее оказаться внутри.

Сам дом и открытый внутренний дворик походят больше на музей, чем на резиденцию архиерея. Сюда могут прийти все желающие, любой может посмотреть диковинные экспонаты, картины, старые изделия из дерева, керамики и металла. В городе действует ремесленная школа-на случай, если кто-нибудь вдохновится творческой атмосферой, царящей в доме неординарного владыки. О его миссионерской деятель-

ности неоднократно писали в России, но жизненная история этого удивительного человека, конечно, гораздо шире описания его пастырского и миссионерского опыта. И особенно ценно, что имя митрополита Николая тесно связано с историями прихода к вере других героев этой книги. В неразрывном слиянии жизни и служения, жатвы и плодов будто бы звучат слова апостола Павла: «Печать моего апостольства – вы в Господе» (1 Кор. 9:2).

Владыка встречает нас радушно и в то же время как-то по-деловому. Он вообще человек основательный. Комнаты готовы, ужин тоже, сложно представить, что он способен о чем-нибудь забыть. Он начинает свой основательный рассказ...

Есть ли жизнь после смерти?

Я родился в Тбилиси. В моей семье не было особых христианских традиций; единственное – мы яйца красили на Пасху. Пожалуй, все. Храма поблизости тоже не было. У нас во всей Грузии действовало тогда пятьдесят храмов, и в таком состоянии Церковь находилась до начала восьмидесятых.

По отношению к советской действительности общество, можно сказать, делилось на две части. Одни боялись и ждали каких-то житейских поблажек от власти, и поэтому старались держаться соответственно; такие семьи, например, на парады ходили, первого мая стол накрывали. Но среди большинства населения это не считалось хорошим тоном. Идейных комсомольцев и коммунистов я увидел впервые в Москве в период учебы, чему был очень удивлен – я думал, везде так, как у нас: никто не воспринимает всерьез государственную идеологию. Оказалось, что нет...

А я с детства имел стремление к познанию. Видимо, искал смысл. Родители не мешали моим поискам и всячески поддерживали меня. Мама всегда старалась мне все подробно разъяснять, а я не удовлетворялся простыми ответами с самого детства. На каждый ответ я еще сильнее углублял свое «почему?». Родители не ограничивали меня в познании, поэтому, я думаю, у меня была возможность свободно разви-

ваться.

Я много читал. Помню, к окончанию первого класса, в последний учебный день, я заодно закончил книгу «Таинственный остров» Жюль Верна. В пятом классе, летом, я так увлекся, что за три дня прочитал «Графа Монтекристо», от начала до конца. С большим интересом читал все, относящееся к естествознанию. В пятом классе я принял твердое решение стать физиком.

Стало ясно – необходимо переводиться в физматшколу, она в Тбилиси была к тому времени очень сильная. Чтобы туда поступить, нужно было сдать серьезные вступительные экзамены. Но я туда все-таки поступил, после седьмого класса. В этой школе впервые появились одноклассники, более способные, чем я. Это было новым ощущением. Например, одна девушка так быстро решала задачи, что за ней было не угнаться. Но от этого интерес к учебе только возрастал!

В общем, все складывалось замечательно, но вдруг в девятом классе, на обществоведении (тогда это был экспериментальный предмет), учительница сказала, что человек после смерти исчезает. Исчезает, и все... Почему-то именно тогда меня это очень сильно задело. И я с головой погрузился в этот вопрос. Старался размышлять последовательно, как физик. Во-первых: откуда это известно? Где необходимые факты для такой убежденности? А во-вторых, я исходил из внутреннего ощущения: как это так – не будет? Ведь сейчас я существую, чувствую, мыслю, и вдруг меня не станет

совсем?

Тбилиси. Кафедральный собор Цминда Самеба

Задавал свои вопросы учителям – бесполезно; обратился к родителям, но они мне отвечали в таком роде, что я не совсем исчезну, а буду жить в памяти других людей. Но и такое странное объяснение меня совсем не устраивало. Мы с одноклассниками всегда много спорили о научных проблемах, а когда появился новый предмет для споров – жизнь после смерти и вера в Бога, – все с удовольствием подключились. А я в своем поиске дошел до серьезных вопросов, как потом выяснилось – философских: если точно известно, что меня через какое-то время не станет, нет никакого смысла в жизни. Тогда лучше уйти прямо сегодня и сейчас. Умру ли я через десять лет или через пятьдесят – разницы нет, жизнь бессмысленна. Но если после смерти нет ничего, то кто определит значение добра и зла? В науке есть аксиомы, которые недоказуемы, и на них основаны теоремы. Если изменить даже одну аксиому, изменится вся теория. Если нет абсолютной истины, то есть Бога, и человек просто исчезает, значит, нет объективного суда человеческой жизни. Некому устанавливать, что есть добро и что есть зло. Эти понятия становятся относительными. Получается, принять за аксиому, что именно есть добро и что есть зло, зависит только от конкретного человека или группы людей. Это меня не устроило, и я пошел по обратному пути: я точно знал, что добро –

это хорошо, а зло – это плохо, что добро и зло имеют абсолютное значение, следовательно, жизнь после смерти должна продолжаться. Отсюда я понял, что существует Бог, оценивающий результат наших жизней. Я сказал себе, что есть Бог.

...Ожидая, когда откроется смысл

После школы появилась возможность читать больше, и я принялся за поэзию, отыскивая образы неземной жизни. Сначала я поступил в Тбилисский государственный университет² (тогда он был один), а после окончания третьего курса перевелся в МГУ на физический факультет. Уезжая учиться в Москву, я взял из дома семейную книгу – это было Евангелие на старогрузинском языке.

Я решил, что образованный человек (а я очень хотел быть таковым) обязательно должен знать Евангелие, независимо от того, собирается он жить по-церковному или нет. В Церкви тогда не было ничего привлекательного для молодежи. Мы были уверены, что все священники – сотрудники КГБ. А информации изнутри просто не было. Я, например, не знал ни одного человека, ходящего в церковь.

Начал читать Евангелие. Чтение было сложным, а мое решение – твердым, я составил себе график – читать каждый день по две главы: первая – повторение вчерашней, вторая – новая. Вышло, что я наложил на себя первое духовное правило. Я и сейчас, кстати, советую Евангелие читать именно так. Правда, сейчас есть много толкований и комментариев к библейским текстам, а тогда ничего такого не было.

---

² Тбилисский государственный университет имени Иванэ Джавахашвили, старейшее и крупнейшее высшее учебное заведение Грузии, основано в 1918 году.

Позже, в Москве, один мой друг дал мне совет: останавливаться на неясном фрагменте, каждый день его повторять, и через какое-то время смысл обязательно откроется. Он подарил мне Евангелие от Иоанна отдельной книгой. Неясность там была в самом начале, я стал заучивать и повторять: «В начале было Слово...», ожидая, когда откроется смысл. С тех пор прошло более 30 лет...

Потом, опять же из культурных соображений, я решил, что необходимо разобраться, что происходит на пасхальной службе. Приехал в Елоховский собор, подошел к священнику и сказал: «Здравствуйте! Я очень хочу попасть на пасхальную службу. Вы можете мне помочь?» Он удивился, но сказал: «Подождите», – после чего вынес мне два пропуска на богослужение. Я уговорил моего друга пойти вместе со мной на пасхальную службу.

Это был 1983 год. Поскольку я понимал, что служба поздно заканчивается и, возможно, придется ждать открытия метро, то решил взять с собой что-нибудь съестное. Зная, что идет Великий Пост, рассчитывая угостить людей, набил сумку постными продуктами – лоблио и солеными огурцами. Так и не пригодилась тогда моя сумка, к тому же сейчас-то мне ясно, что никто не захотел бы после пасхальной службы на лоблио даже смотреть!

Дальше события стали развиваться более стремительно. Я женился, но продолжал учиться в Москве, а супруга Нино училась в Тбилиси на психологическом факультете, и пер-

вый год после нашей свадьбы она жила в доме моих родителей. Сестра моя стала воцерковляться, и они договорились с моей женой вместе поститься. Когда заявили о своем намерении моей маме, она испугалась: «Что вы такое наделали? – говорила она. – Чем согрешили, что собрались поститься?» Она подумала, что вместе они сделали что-то страшное, пока я был в Москве...

Потом супруга окончила университет, а мне еще год учебы оставался, она приехала в Москву, и мы с ней стали снимать квартиру. И Нино осторожно и деликатно стала и меня уговаривать, чтоб я начал поститься по средам и пятницам³. Я сказал, что ради нее готов на все, только не понимаю одного – почему Бог должен радоваться тому, что я голодаю? Тем более после грузинской кухни казалось, что в Москве кроме мяса нет ничего вкусного (я так и питался – три раза в день мясо). Ну хорошо, думал я, откажусь от мясного – и что тогда буду есть? Как заяц, только морковь и капусту? Но жена старалась, придумывала разнообразные блюда, и я все-таки решил себя испытать.

А позже, убирая нашу съемную квартиру, в шкафчике хозяйки мы обнаружили старинную икону. Я не помню точно,

---

³ Традиция соблюдать пост каждую среду и пятницу берет свое начало с апостольских времен. Как уже существующая практика христианских общин, это предписание содержится в письменном памятнике «Дидахе» («Учение о двух путях»), происходящем из Александрийского региона (конец I – начало II в.). Практически во всех Поместных Православных Церквях эта традиция воздержания бережно сохраняется.

по-моему, это был образ Спасителя. Мы оборудовали красный угол, как было принято в России, поставили туда икону. Но когда пришла хозяйка, она жутко испугалась! Время же было советское. Мы, конечно, как могли, пытались успокоить женщину, стали упрашивать ее продать нам эту икону, но она ни в какую не соглашалась.

И нам с супругой очень захотелось иметь свою икону, а мы тогда от кого-то слышали, что иконы можно только дарить или принимать в дар, такое вот бытовало суеверие, но мы все-таки решили купить, раз никто не дарит. Специально поехали в Сергиев Посад в надежде купить Иверскую икону Пресвятой Богородицы, хотя и не знали ничего об истории этого образа. Иверской не было, но нам очень понравился один образ, и мы его купили. Это оказалась Владимирская икона Божьей Матери. До сих пор она стоит у нас дома, выцвела совсем – первая икона, которая пришла в нашу семью.

В 1985 году я окончил МГУ, мы вернулись в Грузию, и я решил поступить в Тбилисский театральный институт. На специальности «анимация» руководителем группы был один из выдающихся режиссеров и актеров – Гела Канделаки⁴, и, конечно, мне очень хотелось учиться у него, тем более к тому времени я уже успел с ним познакомиться. Но в приемной комиссии наотрез отказались принимать документы: по советскому законодательству должно было пройти три года после окончания вуза, чтоб поступать на второе высшее; к тому же абитуриент должен представить серьезные обоснования

своих намерений. Ректор отказалась пойти навстречу, а Гела Канделаки сказал: «Тебе ведь не диплом нужен, а знания – вот и приходи на все занятия». И я приходил, так неофициально учился целый год. А потом неожиданно ректор института Этери Николаевна Гугушвили сказала мне: «Подайте документы, мы вас сразу на второй курс зачислим без экзаменов». Это было невероятно! Правда, всего через год мне пришлось говорить ей, что я бросаю Театральный и иду учиться в Духовную академию. Кстати, ⁴ и она, и Гела положительно отнеслись к моему решению. Можно сказать, напутствовали меня светским благословением. А через некоторое время воцерковились и он, и она. Она приходила ко мне на исповедь, причащалась. Сейчас ее уже нет в живых.

---

⁴ Канделаки, Гела Ираклиевич – выдающийся актер, драматург и режиссер. Окончил Тбилисский театральный институт, мастерскую Михаила Туманишвили, приобрел всесоюзную известность в 1971 году после исполнения главной роли в известном фильме Отара Иоселиани «Жил певчий дрозд». Работал в сфере анимации, документального и художественного кино, с 1983 года – заслуженный деятель искусств Грузинской ССР, в настоящее время является директором и художественным руководителем Театра теней рук «Будругана Гагара» в Тбилиси.

«Согрешил по всем заповедям»

Но все это было позже, а тогда, в годы моего студенчества, люди все чаще и с большим интересом говорили о грузинском Патриархе Илие II, и многие из моих однокурсников ходили в церковь специально, чтобы слушать его понятные и живые проповеди.

Пастырская активность Патриарха приносила свои плоды: из-под его руководства выходили яркие молодые священники, вокруг которых собирались активные приходы. Тогда подобное казалось немислимым, ведь было еще советское время! И один из этих отцов по вечерам, после службы, проводил с людьми беседы о Евангелии. Убедившись, что давить на меня не будут, я решил пойти послушать. Беседы оказались достаточно интересными, но многие вещи остались неясными, священник постоянно говорил про каких-то святых отцов, но так ни разу и не объяснил, кто это такие. Но я все равно очень заинтересовался и вдохновился.

В это время начинался Великий пост, я решил, что буду стараться его соблюдать. Выдержал. Но когда пост подходил к концу, сестра ненавязчиво заметила, что дело необходимо довести до конца: нужно исповедаться и причаститься.

«Как исповедоваться? – думаю. – Наверное, по десяти заповедям». Прочитал их внимательно и решил: скажу, что согрешил во всем.

Утром позавтракал я хорошенько и пошел в церковь, где служил священник, который венчал нас с Нино. Это был единственный священнослужитель, с которым мне прежде приходилось разговаривать. Бабушки подходили к нему на исповедь, а он ругал их без остановки.

«Если он *их* ругает, – думаю, – что же со мной будет?»

Подхожу и говорю:

– Я в первый раз исповедуюсь, во всех десяти заповедях согрешил.

Он испугался, быстро прочитал разрешительную молитву, ничего у меня не спросил:

– Давай, – говорит, – иди, причащайся.

В общем, так я в первый раз и причастился...

Через какое-то время я задумался о духовном наставнике. Сложно было определиться, я знал точно лишь то, что не пойду к духовнику сестры, просто потому, что у нас не может быть одного духовника – настолько мы с ней разные. После долгих раздумий я выбрал будущего митрополита Да-

ниила (Датуашвили), тогда он был еще молодым священником – отцом Давидом. Я даже не знал, как он выглядит, только был о нем наслышан, но интуитивно чувствовал, что мне подходил только он.

Исповедуясь ему, я называл все свои грехи, что было очень трудно. Отец Давид слушал внимательно и, к моему удивлению, ничего не говорил. Когда я закончил, он спросил, бываю ли я на литургии.

– Вообще-то я захожу в церковь, конечно, но редко. А так, чтоб регулярно – нет.

– Если хотите быть христианином, – ответил он, – нужно посвящать богослужению вечер субботы и воскресное утро. Без этого христианства нет и быть не может.

Эти слова меня шокировали! Я думал, что христианство – это нравственная жизнь и вера в Бога, а оказывается, главное – богослужения посещать.

– Ну как, хотите быть христианином? – переспросил отец Давид.

– У меня один только воскресный день и есть для отдыха, все остальное время я учусь и работаю. А если я в храм ходить начну, что мне остается? Ну, если Вы говорите, что это и есть христианство, тогда, конечно, я хочу быть христианином.

Я пообещал прийти в следующее воскресенье, пришел только через три недели, но после уже не пропускал практически ни одной воскресной службы, вплоть до сегодняшнего

дня.

Не до кино

Все это происходило в 1987 году. Тогда же я пошел преподавать в школу физику, потому что хотел осуществить один проект. Дело в том, что еще со времени учебы в Москве на физфаке у меня была мечта стать кинорежиссером. Мне посчастливилось познакомиться с очень интересными людьми: киноведом Ириной Гращенковой, Романом Яковлевичем Гузманом – педагогом, психологом и искусствоведем и с Ильей Вениаминовичем Вайсфельдом, председателем Совета по кинообразованию при Союзе кинематографистов. Они через просмотры фильмов и их обсуждение развивали подростков. Я настолько был впечатлен, что организовал собственный кино клуб в студенческом общежитии МГУ, придумал логотип, на доске объявлений размещал приглашения. В основном мы ходили в фильмотеку на Кропоткинской и в кинотеатр «Иллюзион», смотрели, допустим, «Репетицию оркестра» Феллини, венгерское кино и другие интересные фильмы. Наука меня интересовала, но перспектива всю жизнь сидеть в лаборатории – не очень; влекла общественная деятельность.

И поэтому в Тбилиси я возвратился с рекомендательным письмом от моих московских знакомых. Режиссер Эльдар Шенгелая⁵ был первым секретарем правления Союза кинематографистов Грузии, я пришел к нему, но он оценил мое

стремление скептически:

– Что ты хочешь? Зал? Пожалуйста. Фильмы? Пожалуйста. Бери, делай. Лишь бы люди пришли...

В Москве самое сложное было – найти фильмы и зал; желающих было много. А в Тбилиси у меня все наоборот – кого приглашать? Честно говоря, я и в среднюю школу-то пошел работать учителем физики, чтобы осуществить этот замечательный план. Но мне попались крайне сложные, трудновоспитуемые ученики – с этим классом не хотели работать другие учителя, и меня отправили к ним как бы на испытание. Так что у меня проблемы были, действительно, серьезные, и точно уж было не до кино. Естественно, проект пришлось отложить⁶.⁵⁶

---

⁵ Шенгелая, Эльдар Николаевич – выдающийся режиссер, сценарист, педагог, окончил режиссерский факультет ВГИКа, работал на студиях «Мосфильм» и «Грузия-фильм», с 1988 года – народный артист СССР. В 90-х годах вел активную политическую деятельность, с 1990 года – депутат Верховного Совета Грузии. В 2009 году награжден орденом Победы имени Святого Георгия.

⁶ Уже позже, став архиереем, владыка Николай продолжил осуществлять проект своей молодости: «Мы с подростками из прихожан стали собираться вместе и смотреть фильмы: сначала 20-минутная лекция об авторе, потом совместный просмотр и обсуждение. Сейчас мы занимаемся и с подростками, и со студентами. В этом году мы организовали цикл кинопросмотров в местах лишения свободы. В одной женской колонии происходило вообще что-то невероятное: мы смотрели и обсуждали фильм Федерико Феллини „Ночи Кабирии“; женщины вставали и, как в древней Церкви, прилюдно исповедовались. Для заключенных, думаю, такая форма помощи – посеять верные евангельские мысли – лучшая из возможных, ведь у отбывающих заключение людей есть время осмыслить увиденное и услышанное. Здесь у нас в Ахалкалаки проходят магистерские курсы

Но благодаря этим самым проблемам я практически каждый день обращался за советом к духовнику, приходил в храм. Вместе с отцом Давидом мы решали возникающие вопросы, и через это сблизились. Я целиком положился на Господа, глубоко веря, что в затруднительных ситуациях надо помолиться от всего сердца и все ответы искать у Бога.

В 1988 году, по благословению Патриарха, в Тбилиси открылась Духовная академия, после длительного перерыва у нас возобновилось высшее духовное образование (в XIX – начале XX века была только Духовная семинария). Отец Давид посоветовал мне поступить в Академию. До результатов вступительных экзаменов я никому ничего не говорил, а когда меня зачислили, пришлось сказать домашним, и начались сложности... Во-первых, пришлось долго объяснять, что Академия – это не семинария. «Семинария» в Грузии тогда было очень плохим словом, фактически ругательным. Семинарии ассоциировались с безнравственностью, лицемерием и КГБ; это был результат советской атеистической пропаганды. Родители сильно переживали еще и потому, что сестра накануне бросила хорошую работу в Археологическом центре по специальности «химик» и ушла в швейную мастерскую при Патриархии.

Жена с сестрой поддержали меня, а мама сказала:

– Забирай свою семью и уходи куда хочешь! Как хочешь,

для священнослужителей. И я священникам рассказываю о нашем киноопыте; очень надеюсь, что кто-нибудь из них продолжит эту миссию».

так и живи!

– Хорошо, – ответил я.

– Ты семью оставь, а сам убирайся, – сказала она на следующий день.

На третий день мы договорились. Я пообещал, что в свободное от учебы время буду зарабатывать на семью и ребенка. Это оказалось непросто: я подрабатывал репетитором, а средств все равно не хватало, и все мы вместе, по большей части, жили на зарплату моего отца. Наши протестующие родители основательно нам помогли – без их помощи, конечно, я не стал бы священнослужителем.

Митрополит Даниил (Датуашвили) с бизнесменом и общественным деятелем Леваном Васадзе

А в Академии царила необыкновенная атмосфера. Святейший передал свою богатую книжную коллекцию в академическую библиотеку, лично принимал экзамены, сам разработал форму одежды – элегантный черный костюм с белой сорочкой и с черным галстуком, а главное – практически каждый день у нас была возможность с ним общаться, он много нам рассказывал и привлекал интересных лекторов. Например, по вечерам у нас был факультативный курс по истории книги. Его вел интереснейший человек, Константин Сергеевич Герасимов – потомственный библиотекарь, преподаватель классической русской филологии в Государственном университете. Это были трудные годы – электричества не было, Константин Сергеевич рассказывал удивительные истории при свечах! А какие книги он приносил! Я до сих пор эти лекции помню.

Мне пришлось быть студентом, в общей сложности, пятнадцать лет. Но последние четыре года – в Академии – были самыми счастливыми. Везде было интересно, но при этом в ранние студенческие годы существовала тягостная необходимость сдавать разные истматы, диаматы, историю партии – масса бессмысленно потерянного времени на предметы, которые заведомо никому были не нужны. А в Духовной

академии я не пропустил ни одной лекции, с живым интересом готовился, читал, сдавал, потому что все без исключения было не только интересным, но и необходимым для спасения, для служения Богу. А именно это стало для меня самым главным.

«По стопам святой Нины» – Евангелие оживает

В течение многих лет, начиная с 1979 года, я принимал участие в студенческих экспедициях по реставрации исторических памятников. Мы ездили добровольно, без какого-либо вознаграждения, напротив, еще и сами деньги на дорогу собирали. Целое лето мы проводили в палатках и расчищали памятники, готовя их к реставрации. В основном это были церкви. Мои друзья были вдумчивые и начитанные молодые люди. Я бы не сказал, что в нашей среде было много верующих, но мое вероисповедание во многом сформировалось именно там: расчищая и выкапывая древние церкви из-под земли, я чувствовал, что соприкасаюсь со святыней. Образ жизни студенческих экспедиций создавал, конечно, ощущение братства, хотя нас объединял, по сути, только быт, потому что убеждения у всех были разные. Но если бы братство основать на общем желании послужить Богу – о таком можно было только мечтать...

Когда, чуть позже, вместе с другими прихожанами после богослужения мы начали собираться в церкви, читать Евангелие, размышлять над происходящими событиями (тогда совершался нелегкий распад Советского Союза), я всегда ощущал нехватку совместной деятельности, апостольской общинности, чему так радовался в студенческих летних

лагерях.

Самтависи.

Собор Воскресения Господня

Помню свое удивление и радость, когда я впервые оказался в обществе верующих людей. Как-то услышал, что священник со своими прихожанами собирается поехать в паломничество в Гори к преподобному Исидору⁷. Я поехал с ними. А когда мы возвращались, кто-то из прихожан пригласил всю нашу группу к себе домой. Мы сели за стол, и я впервые обнаружил, что, оказывается, за большим столом сидят одни верующие. Это было удивительное чувство! До сих пор помню эти ощущения. И я понял, что христианская жизнь невозможна, если она не заполняет собой все.

Поэтому когда я узнал об идее организации крестного хода «По стопам святой Нины», это стало для меня настоящим духовным праздником. Патриарх назначил духовником и руководителем паломничества отца Давида, а мне поручил практическую организацию, потому что я еще прежде рассказывал Святейшему о своем походном опыте в экспедициях. Для меня это был естественный образ жизни, я себя

---

⁷ Преподобный Исидор Самтавийский – аскет и миссионер, один из двенадцати подвижников, пришедших в VI веке в Грузию из Каппадокии вместе со своим наставником аввой Иоанном Зедазнийским. Преподобный Иоанн и его ученики положили начало традиции грузинского монашества. Мощи преподобного Исидора почивают в древней основанной им епархии, в соборе Самтависи (село Самтависи находится в тридцати километрах от города Гори). Память преподобного совершается 20 мая по новому стилю.

очень комфортно ощущал в походных условиях. А теперь я почувствовал, что прикасаюсь к той самой настоящей деятельной христианской жизни, которой мне не хватало. Это был 1989 год. Я тогда уже учился в Духовной академии, но священником еще не был. Забегая вперед, скажу, что этот первый крестный ход, длившийся 27 дней (в последующие годы он превратился в 40-дневное паломничество), стал для меня настоящей школой священства.

Так вот, начали мы готовиться к крестному ходу. Патриархия выделила нам автобус. В то время в Тбилиси привезли польские палатки, я сказал Патриарху, что неплохо было бы их приобрести, а он без особых расспросов дал мне на руки двенадцать тысяч рублей. На эти деньги две машины «Жигули» можно было купить, просто руки дрожали! Я поехал на склад и закупил на всех палатки.

Вообще я основательно подготовился. Купил термосы, чай, какао, различные консервы на постные и скоромные дни. Мой сосед, работавший на колбасном заводе, дал мне столько колбасы, причем абсолютно бесплатно, что она была по всему автобусу развешана...

Но уже потом оказалось, что могли бы мы обойтись и без такого количества продуктов и даже без палаток – люди нас встречали как родных, кормили и предоставляли ночлег.

Выходили мы из Тбилиси, не зная, что нас ждет. Автобус с продуктами и снаряжением ехал, а мы шли пешком.

Джавахети.

Пещерный монастырь Вардзиа

И в этом долгом многодневном пути мы почувствовали, что значит Евангелие в действии: когда человек начинает правильно жить, Господь являет ему знаки. Например, в один из очень напряженных дней, когда утром служили литургию, проповедовали, крестили, мы так и не имели возможности передохнуть и поесть; в деревне, где мы планировали остаться на ночлег, конечно, нас ждали с ужином, но туда нужно было еще дойти. И вечером, проходя через поле с поспевшей пшеницей, мы начали ломать эти колосья и есть. Кто-то из местных начал кричать: «Эй, почему вы портите пшеницу!» Как тут было не вспомнить эпизод из Евангелия, когда Христос с учениками проходили засеянными полями (ср. Мк. 2:23–25)!

Проходя через Джавахети⁸, как-то я увидел в поле пастуха с большим стадом... Раньше я читал толкования на евангельскую притчу о Страшном Суде, там было сказано, что овец и коз разделить несложно, потому что они по-разному реагируют на одно и то же действие, но еще я читал, что на Востоке часто овцы бывают белыми, а козы черными. В стаде, которое мы увидели, все было именно так – все овцы белые и все козы черные! Пораженный, я остановил группу и

---

⁸ Джавахети (*груз.*), или Джавахк (*арм.*), – историческая область Грузии, находится на границе с Турцией и Арменией. Преобладающее население – армяне.

стал рассказывать о притче и ее толковании.

Мы шли. Везде, где только была возможность, отцы слушали литургии, крестили, причащали, исповедовали, мы им помогали и рассказывали людям о христианской жизни. К нашему миссионерскому крестному ходу присоединялись все новые и новые участники. Я шел и думал о том, какой потрясающий можно было бы снять фильм – история о современности, неразрывно связанная с Евангелием не только духовно, но и с самим евангельским сюжетом.

Мы были свидетелями очень простых, но настоящих чудес. Например, везде была засуха, но часто происходило так, что стоило нам прийти в деревню – сразу же начинался дождь, и вставала радуга, а бывало одновременно две и даже три радуги. Это настолько часто случалось, что мы даже планировать стали, какой деревне дождь нужнее.

Однажды мы совершали крещение прямо в реке, было много желающих. Ко мне подошла молодая женщина и спросила:

– Я очень хочу ребенка крестить, но он болен, у него высокая температура. Как вы посоветуете, можно крестить или нет?

– Ну конечно! Крестите с верой, и Бог исцелит его! – почему-то ответил я не задумываясь.

Женщина ушла, а через полчаса вернулась с больным ребенком:

– Я пришла.

А я уже забыл про нее и спрашиваю:

– Кто вы?

– Ну как же, ведь я вас спрашивала о больном ребенке!

Что делать, думаю, дождь собирается, и вода в реке слишком холодная...

– Ну, идите, креститесь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.